

УДК 340.11

Концепции правопонимания и морально-этическое обоснование права**Хамидуллина Ф.И.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

С учетом специфики феномена нравственности в статье формулируется гипотеза, что морально-этическое обоснование права является универсальной чертой, интегрирующей различные типы правопонимания.

Ключевые слова: правопонимание, нравственность, правосознание, морально-этическое обоснование права.

Весьма заметный в последние годы интерес к проблемам нравственного обоснования права представляется вполне закономерным¹. Смена государственно-правового строя в 1993 г. не прошла бесследно, в том числе и для нравственных устоев общества. Воспитанные трудами классиков марксизма-ленинизма в духе коллективистских ценностей советского социалистического общества, люди стали очевидцами беспощадного крушения прежних идеалов и ниспровержения былых авторитетов, устремленности ко всему, что еще недавно «вместе со всем прогрессивным человечеством» клеймили позором, читая в газетах о жизни за рубежом под заголовками типа «Там, где правит капитал». Нарастающие признаки морально-нравственной дезинтеграции общества постепенно сформировали своего рода социальный заказ на всестороннее изучение этической проблематики, ибо любая задача науки ставится самой жизнью, а дело всякой теории – отыскать оптимальное решение.

Кроме того, обновление исследовательской парадигмы в изменившихся условиях настоятельно потребовалось и юридической науке, во многом ориентированной на классово-политические аспекты права, на его связь с государственной волей, трактуемой исключительно с позиций экономического материализма. В подобном контексте этико-правовые вопросы сводились в основном к поиску и объясне-

нию различий между правом и моралью. Едва ли не главным из них считалось принуждение, признававшееся существенной принадлежностью права.

Давно известно, что «нет вопроса, по которому бы царили такие бесконечные разногласия, как по вопросу об истинном определении права» [1, с. 33]. Не вдаваясь в подробный анализ каждой точки зрения, отметим лишь еще один общеизвестный факт. Тип правопонимания, или совокупность теоретико-методологических представлений о праве, сложившийся в теории образ права, который определяет мировоззрение юристов и основанную на нем юридическую практику, может быть либо положительным, либо идеалистическим. Оговоримся, что оба этих термина мы используем с достаточной долей условности, как дань традиции, восходящей к отечественному дореволюционному правоведению. По нашему мнению, такая предельно обобщенная терминология позволяет удачно объединить множество соответствующих взглядов и концепций всего лишь в два класса, принципиально различные в своей основе: в одном случае право рассматривается как веление государственной власти, в другом – как некая вечная идея.

Так, например, английский юрист Дж. Остин, который считается одним из основоположников позитивистского правопонимания, утверждал, что право есть приказ власти, «совокупность норм, установленных политически господствующими людьми» [цит. по: 2, с. 401]. В случае нарушения или ненадлежащего исполнения воли, возведенной

¹ В целях настоящей статьи понятия «этический», «моральный» и «нравственный» и их производные используются в качестве взаимозаменяемых.

в закон, следует санкция. Таким образом, за рамками закона, вне зависимости от его содержания, нет иного права; право складывается из приказа, санкции, обязанности исполнения и суверенности власти. Теория права в принципе не должна заниматься чем-то идеальным, метафизическим, ее объект – исключительно норма, существующая в данное время. Поскольку же источником законодательства выступает государство, постольку оно всегда является правовым. «Как бы веление закона ни стесняло личную свободу, свободу слова, совести, какое бы крайнее неравенство оно не устанавливало между гражданами, как бы губительно оно ни отражалось на общественном и частном благосостоянии, как бы ни противоречило нашему чувству справедливости, требованиям нравственности, тем не менее, это веление закона мы должны признать правом, потому что право есть ничто иное, как предписание закона» [1, с. 19].

Подобное правопонимание, относящееся к положительному типу, стабильно поддерживается всей обширной юридической практикой, так как для юристов вопрос о праве в большинстве случаев сводится к тому, что предписано законом «здесь и сейчас».

Вместе с тем практическая осуществимость права возможна только в том случае, когда веления законодателя согласуются с представлениями общества о справедливом порядке. «Если веление законодательной власти возмущает мое чувство права, – писал об этом Н.М. Коркунов, – никакая юридическая наука не в силах меня убедить, что я не могу чувствовать нарушения своего права законом, потому дескать, что закон и есть единственное основание всякого права» [1, с. 28].

Сторонники идеалистического правопонимания, соответственно, утверждают, что действующее право подлежит критической оценке с позиций нравственности, мировоззрения, ценностных ориентиров личности и общества в целом. В праве формально закрепляется желательный общественный идеал, основанный на неких абсолютных началах – свободы, равенства, собственности и других, обеспечивающих достойную жизнь каждому человеку. Таким образом, естественное право выводится из правосознания людей, из сложившейся модели отношений должностования как компромисса различных интересов.

При такой постановке проблемы закон оказывается лишь одной из возможных форм права. Существуют также и иные частные проявления неизменной, вечной идеи права – абсолютной (высшей, божественной и т.п.) справедливости.

Анализируя правопонимание указанного типа, один из современных авторов пишет, что «естественно-правовая концепция, скорее, может быть использована при переходных состояниях обществен-

ного и государственного развития, когда рушатся стереотипы прежнего строя и отсутствуют предпосылки нового. В период идейных шатаний эта концепция помогает осмыслить формальные ценности, к которым относится право, и показать ориентиры желательного развития политико-правовых идей и отношений (права и свободы человека и гражданина)» [3, с. 73]. В остальном, по мнению автора, такое правопонимание не создает стабильности в праве, так как делает нечеткой границу между законным и незаконным, расширяет область усмотрения правоприменителя, позволяя ссылаться на неоднозначные ориентиры вроде совести и правового сознания.

Спор между сторонниками положительного и идеалистического образа права ведется на протяжении многих столетий и справедливо считается «одной из глубочайших и труднейших проблем человеческой мысли» [1, с. 27]. Обратим внимание, что между обозначенными подходами нет непреодолимых противоречий. Веление – это приказание, требование или внутреннее побуждение, которое никогда не бывает и не может быть безосновательным, ибо обуславливается какой-то общей идеей. Так, за нормами права о взыскании долгов усматривается идея неприкосновенности собственности, а об изоляции лиц, совершивших преступление, – идея безопасности. Даже пресловутая история коня Инцитата, ставшего сенатором по властному распоряжению Калигулы, – свидетельство не столько сумасбродства, сколько стремления императора пополнить свою оскудевшую казну и уверенности, что все средства для этого хороши.

Задавшись вопросом, что именно объединяет различные типы правопонимания, тем самым исключая противоречия между ними, мы постепенно придем к так или иначе прослеживаемой связи между правом и нравственностью.

В порядке уточнения терминологии отметим, что «этический», «моральный», «нравственный» – эти понятия, с одной стороны, осознаются каждым из нас на собственном опыте, с другой – имеют многовековую традицию философского осмысления и, как следствие, не поддаются единому, раз и навсегда данному определению.

Тем не менее считается бесспорным, что сфера морально-этического могла появиться лишь в человеческом обществе, причем в тот момент, когда человек в ходе эволюционного развития обрел способность считаться не только со своими потребностями и интересами, но и с нуждами других людей. Лишенный такой способности то ли в силу воспитания, то ли по причине специального подавления воли, человек моментально превращается в пустое соответствие своему «биологическому паспорту» и становится частью животного царства – хордовым млекопитающим семейства приматов отряда гоминидов. По жизни его ведут инстинкты самосохране-

ния и продолжения рода, и он готов на всё, вплоть до каннибализма, ради комфортной среды обитания, куска лакомого куска и привлекательного, жизнеспособного полового партнера².

Подобный образ жизни еще Аристотель называл «скотским» [6]. Величие же человека, как показал другой знаменитый мыслитель – Кант, состоит в следовании нравственному закону, что и позволяет возвыситься над природным началом, обретая тем самым подлинно человеческое достоинство и силу. Вот как говорил об этом Кант: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то и другое мне нет надобности искать и только предполагать как нечто окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их пред собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности. Второй же начинается с моего невидимого Я, с моей личности, и представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во всеобщей и необходимой связи. Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как животной твари, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того как эта материя короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира. По крайней мере, это яснее можно видеть, чем этот закон, из целесообразного назначения моего существования, которое не ограничено условиями и границами этой жизни...» [цит. по: 7].

Итак, главное не то, что делает из человека при рода, а то, что он сам делает из себя. Человек вне морали предстает ничтожной песчинкой в бесконечности Вселенной, но становится всемогущим и бессмертным в своем величии, если следует своему внутреннему нравственному закону.

Его известные предписания кажутся простыми, само собой разумеющимися. Например, поступай так, чтобы каждый твой поступок мог быть возведен во всеобщее правило, а другой человек был бы

² Подробнее об эволюционном пути человечества см. напр.: [4; 5].

для тебя всегда целью и никогда – средством; в своих поступках стремись к благу, следуй добру и ни при каких условиях не предпочитай себя другому.

Анализ этих формул позволяет нам сделать вывод, что нравственным законом утверждаются по существу всего лишь два постулата:

1) собственное достоинство, то есть уважение человека к самому себе, и притом абсолютное, не зависящее от каких-либо внешних или внутренних преходящих факторов;

2) взаимоуважение в обществе, то есть признание абсолютного достоинства не только своего собственного, но также и других людей.

Таким образом, своеобразие феномена нравственности заключается в том, что это способ практической ориентации поведения человека, направленной одновременно и на себя самого, и на других. Здесь проявляет себя сложная диалектика психологического и социального, индивидуального и коллективного. С одной стороны, человек не может обойтись без общества себе подобных, а с другой – он хочет реализовать именно свою индивидуальность, развивать и совершенствовать свои природные способности и склонности. Нравственный человек обладает внутренней силой, которая побуждает его отдавать свой ум, свои чувства, свою энергию действий, ничего не требуя взамен.

Размышляя по этому поводу, теоретик анархизма Петр Алексеевич Кропоткин задавался вопросом, «почему, вследствие какого умственного или чувственного процесса человек, сплошь да рядом, в силу каких-то соображений, называемых нами “нравственными”, отказывается от того, что несомненно должно доставить ему удовольствие? Почему он часто переносит всякого рода лишения, лишь бы не изменить сложившемуся в нем нравственному идеалу?» [8].

Одно из возможных объяснений находим в работах известного советского биолога Владимира Павловича Эфроимсона, доказавшего генетический характер так называемых альтруистических эмоций, побуждающих человека «совершать поступки, лично ему непосредственно невыгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям» [9]. Не отрицая решающей роли среды и воспитания в формировании нравственных качеств, ученый утверждал, что и в самой наследственной природе человека заложено «нечто такое, что вечно влечет его к справедливости, к подвигам, к самоотвержению» [9, с. 204].

Казалось бы, это противоречит жесткой логике естественного отбора. Особи, которые не способны к самосохранению, обречены на вымирание, уступая место тем, кто успешно приспосабливается к меняющимся условиям среды, побеждая врагов и соперников любой ценой, любыми средствами.

Тем не менее, как показали исследования В.П. Эфроимсона, в доисторические и даже истори-

ческие времена выживали индивиды и общины, у которых были более развиты инстинкты и эмоции, направленные не только на личную защиту, но и на защиту коллектива в целом. Дело в том, что по мере эволюции в сторону более развитого головного мозга, прямохождения и других так называемых сапиентных признаков, характеризующих человека разумного как видоспецифическую особь, увеличивались сроки, необходимые для выращивания полноценного и плодовитого потомства. В свою очередь, это предполагало непрерывно растущую потребность заботиться не только о себе, но и о более слабых, уязвимых сородичах. «Естественный отбор, – пишет об этом В.П. Эфроимсон, – не создал и не мог создать самую этику, но он вызывал такие перестройки наследственности, на основе которых у человека складывалась восприимчивость к определенным эмоциям и этическим началам, способность к этическим оценкам, к восприятию этических оценок, более того, потребность в этических оценках» [9, с. 207].

В итоге ученый приходит к выводу, что характерное для человека стремление к благородным поступкам не связано с желанием позировать или получить компенсацию, равно как и не есть только лишь следствие хорошего воспитания. Наше желание заботиться о других имеет эволюционные корни, обусловленные развитием по линии совершенствования умственных способностей, удлинения срока беспомощности детей и соответствующей интенсификацией отбора на альтруистические эмоции.

Таким образом, возникнув на биологической наследственной основе, природная альтруистическая сущность человека проявляется в качественно иной области – в социальной. И одна социальная структура может способствовать ее проявлению, а другая, наоборот, подавлять и извращать [9, с. 210].

К числу социальных структур, которые призваны способствовать развитию нравственного чувства и реально действуют в этом направлении, относится, несомненно, и правовая система. Полагаем, именно это имели в виду такие известные отечественные мыслители, как Вл. Соловьев и И.А. Ильин, рассуждая о праве как минимуме нравственности и о том, что оно работает над человеческим поведением рука об руку с моралью: «правовые нормы и повиновение им должны научить человека считаться с существованием других людей и с их интересами» [10].

Подчеркнем, что несмотря на известную методологическую противоположность, и положительный, и идеалистический образ права (или тип правопонимания) не исключают связи права с моралью. Указанное обстоятельство, на наш взгляд, весьма симптоматично. Именно морально-этическое основание – то общее, что позволяет объединить наши представления о праве и как о материальном корпусе нормативных текстов, и как об идеальном во-

площении справедливости. Действуя по праву, мы реализуем свои возможности с учетом законных интересов других субъектов права и уважаем эти интересы в той же степени, что и свои собственные.

Литература:

1. Коркунов Н.М. О научном изучении права // Сборник статей 1877-1897 гг. – СПб.: Изд-ие юрид. книж. магазина Н.К. Мартынова, 1898. – 567 с.
2. Антология мировой правовой мысли. В 5-ти т. Т. 3. – М.: «Мысль», 1999. – 829 с.
3. Фролова Е.А. Методологические основы разграничения концепций правопонимания // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 73.
4. Яковец Ю.В. История цивилизаций. – М.: Владар, 1995. – 461 с.
5. Волков Е.М. Происхождение человека. Эволюция человека разумного: учеб. пособие для студентов медицинских вузов. – Казань, 2004. – 35 с.
6. Аристотель. Никомахова этика. Кн. 1. 3 (V). – URL: http://www.philosophy.i-bunin.net/avtor/4021/kniga/49260/aristotel/nikomahova_etika/read
7. Моральное учение Канта. Сайт о философии. – URL: <http://intencia.ru/Pages-view-500.html> (режим доступа свободный).
8. Кропоткин П. А. Этика. – URL: http://lib.mn/blog/petr_kropotkin/124239.html (режим доступа свободный).
9. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. – 1971. – № 10. – С. 193-213.
10. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin06.htm> (режим доступа свободный).

The Conception of Legal Comprehension and Moral and Ethical Foundation of Law

F.I. Khamidullina
Kazan (Volga Region) Federal University

Taking into account the phenomenon of morality, the author formulates the hypothesis that moral and ethical foundation of law is a universal feature integrating various types of legal comprehension.

Key words: legal comprehension, morality, legal consciousness, moral and ethical foundation of law.

